

Пришлось мне как-то раз стать свидетелем достаточно агрессивного диалога между крупным и опытным хирургом, заведующим отделением большой городской клиники, и так же доцентом, но технарём, заведующим кафедрой в политехническом институте. Разговор шел о проблемах, которые именно сейчас почему-то любят муссироваться, а может, действительно всерьёз заботят кого-то на телевидении и в прочих газетах. Разговор шел о персональном кладбище каждого практикующего врача и той ответственности, которую берет на себя врач, начиная лечить нового пациента, начиная с диагноза и кончая счастливым выздоровлением или печальным финалом.

Разговор этот начинался в повышенно дружеской обстановке: на рыбалке, у вечернего костра, после съеденного котелка ухи и выпитой бутылки водки. Вначале это было взаимное разделение восторгов от окружающих видов и любование отражениями солнышка в зеркале пруда. До заката ещё далеко, и можно было на небосводе наблюдать одновременно оба наши светила: и солнце, и луну. Сто пятьдесят водочки действуют на природе волшебном-умопомрачительным образом, но совершенно не расслабляюще. И потому, в конце концов, без обсуждения какой-нибудь социально значимой проблемы обойтись было невозможно — так и тянет нас на природе поговорить об умном.

Александр Иванович, доцент политеха и мой дальний родственник по сватовству, начал утверждать, что при проектировании автомобилей, кораблей, мостов и даже самой обычной «эйфелевой башни» конструктор учитывает все риски и может повысить запас надежности конструкции на десять, двадцать или пятьдесят процентов, если появляются серьезные сомнения.

— Вон Крымский мост проектировали, — продолжал инженер, — мне приходилось участвовать в предварительных консультациях по некоторым вопросам. Сейсмоустойчивость рассчитывали, исходя из вероятности толчков в восемь баллов, хотя там никогда такого не было и не будет, а парусность — из расчета скорости ветра в двести километров в час, хотя там и ста пятидесяти не бывает. Потому и врач должен повышать надежность диагноза, проводя

Олег РЯБОВ

г. Нижний Новгород

Врач Всегда На войне

рассказ

консультации с коллегами, делая дополнительные анализы и исследования, прежде чем выносить вердикт.

— Так можно рассуждать, — возражал ему второй мой добрый товарищ и друг, хирург Олег Константинович, — когда идет разговор о будущем проектируемом объекте и существует возможность отложить решение. А можно и не осуществлять проект, если нет уверенности в удачном его завершении. Хотя мне ответственные люди говорили, что у Королёва не было стопроцентной уверенности в удачном завершении полёта Гагарина — какой-то небольшой процент на долю печального исхода оставался. И всё же он пошел на риск, и Гагарин об этом знал и тоже пошёл, потому что только таким образом они могли двигаться дальше. А ведь у Гагарина не было никакой подушки безопасности, даже на самый крайний случай. Так что о чём вы говорите, о каких консультациях, когда часто времени на принятие решения просто нет. А иногда его просто в обрез. Ведь Майкла Дебейко приглашали для консультаций по Ельцину, потому что времени было с запасом — можно было подумать, порассуждать, пообсуждать, а попади Борис Николаевич под машину — и дежурный хирург ему ногу тупо пилил бы или селезёнку разорванную удалял. Говорили бы потом, что ногу можно было пришить, а селезёнку чужую пересадить, хотя можно и без селезёнки жить. Операция на то и операция, что требует оперативного вмешательства и оперативности. Мы, врачи, очень часто оказываемся в мирное время просто на войне, где решения надо принимать сразу, и от этого зависит жизнь человека. Вы часто очень плохо думаете о врачах. Не в том смысле, что многие врачи плохие, а в том смысле, что вы неправильно о них думаете. Вы ждёте от врача невозможного. Вы зачастую в принципе не понимаете, в чем заключается смысл работы врача.

— Но я же говорю не про экстренные случаи, а про ошибки в диагностике, которые подтверждаются плохими специалистами в течение длительного времени, а когда ошибка выясняется, бывает уже поздно, — возразил Олегу мой родственник-технар. — Вот в таком случае кто несет ответственность за гибель пациента или его последующую инвалидность? Лечащий

врач? Или ректор мединститута, который выдал этому будущему врачу диплом врача, не обучив его ничему, но деньги за обучение с него получив? Наверное, рассчитывал, что тот лечить не будет, а сразу сделается министром здравоохранения в какой-нибудь небольшой республике или области! Или — кто-то ещё, например, главврач больницы, который принял на работу по просьбе дальнего родственника такого горе-специалиста? Ведь сколько согласований и подтверждений у разных надзорных структур проходит серьёзный технический проект, прежде чем его начнут финансировать! А почему такое уникальное создание, как человек, вдруг попадает в руки (даже не знаю, как назвать?) какому-то уроду, который диплом врача чуть ли не купил. Не возражай — я знаю, о чем говорю. При мне в серьёзной клинике профессор говорил врачу уже с опытом по поводу его знаний: «Так вы что — на лекции-то мои не ходили, что ли? Как же вы диплом-то получили?»

— Я понял, Саша, и отвечу. Про гайки, которые вы красиво нарисовали, а в продаже они такие, что их навернуть невозможно, говорить не будем. Про датчики, которые вы разработали, а техники их другим концом в космический корабль засунули, — тоже. Одну заклепку клепальщик заклепал неправильно — и каюк подводной лодке. Но что же тогда говорить про комплекс таблеток, цикл приема которых консилиум врачей разработал, а в аптеке пациенту пустышки с крахмалом продали, и от того он концы отдал. Кто виноват? Про то, как дипломы покупают, я тебе не расскажу, а вот историю, которая со мною случилась, — пожалуйста.

Я вернусь к той своей мысли, что мы зачастую оказываемся на войне, и у нас, хотя и редко, бывают предательства, измены и дезертирства, за которыми часто стоит смерть.

Это случилось лет тридцать назад, я только что приехал из Алжира, где проработал несколько лет, и меня почти сразу назначили завкафедрой анестезиологии в нашем меде. Кое-кто поговаривал, что я не достоин этой должности, и я решил, что мне надо в обязательном порядке завоевать авторитет среди наших городских корифеев-хирургов, и как можно скорее. Я каждую неделю, а подчас и два, и

три раза в неделю участвовал в операциях в качестве анестезиолога, а иногда и ассистировал во всех клиниках города, со всеми хирургами: и со стариками, которые ещё мне лекции читали, и с теми, кто делал только-только свои первые шаги в нашей профессии.

И вот как-то раз звонит мне в клинику — а базовой для нашей кафедры была вторая градская больница, и кабинет у меня там был, — так вот, звонит мне довольно известный в те годы и довольно хороший хирург Стариков Иван, профессор уже и завотделением в ГИТО, к тому же мы одно время вместе работали и друг друга хорошо знали. И просит он меня на завтра поработать с ним на полостной операции. На завтра была суббота, я был выходной у себя, и домашних дел особо никаких не было. А вот раз Стариков, будучи профессором, назначил операцию на субботу, когда в клинике у него будет только дежурная бригада, значит, что-то случилось экстренное. Я спросил тогда его, помнится, а кто ассистировать будет, он говорит: «Да подберем!»

Прихожу я к ним в клинику на следующий день как положено: за пару часов до назначенной операции, пешочком от дома прогулялся. Да, и вот что — встретил я в вестибюле у них в больнице Володю Ливанова, нашего хорошего молодого хирурга, моего ученика из моего отделения. Поинтересовался я, что он тут делает, и ответил он мне, что будем работать вместе и пришел он ассистировать профессору Старикову. А также хочет он навестить друзей-коллег, которые сегодня дежурят. Я, помнится, тогда очень порадовался, что корпоративная дружба, которой всегда славилась медицина, сохраняется у нас.

Попили мы чайку с профессором Стариковым у него в кабинете, потрепались о жизни, обсудили операцию, просмотрел я всю историю болезни нашего пациента. Чтобы не утомлять вас латинско-медицинской терминологией, скажу, что пациент, которого мы должны были оперировать, был травмирован на стройке: упал откуда-то сверху на старый деревянный штакетный забор. Он был уже прооперирован с неделю назад, что ли, и вот — начался у него перитонит, воспалительный процесс по-простому.

Это сейчас лапароскопия да всякие томографии, а в те времена: наркоз, разрезал, удалил, зашил. Честно говоря, Иван мне сознался, что грешит он на то, что не забыли ли во время первой операции в полости у больного какую-нибудь дрянь вроде салфетки, потому что уж очень непонятен ему весь этот возникший процесс.

В операционной поначалу нас было трое: мы с Иваном да медсестра, ассистент Володя где-то запропастился. Ну, так иногда бывает. Больной приготовлен, наркоз дан, Иван делает лапаротомию, вскрывает брюшную полость, ставит распорки, проводит ревизию, видит, что начался перитонит. Это абсцесс в брюшной полости — вот она капсула гноя, прямо как мячик теннисный. Даже мне её, эту капсулу желтую, видно, хотя я стою чуть в стороне.

Володя, чуть задержавшись и запыхавшись, все-таки подошел. Он извиняется, переодевается, надевает хирургический халат, подходит. Я всего не вижу, я за перегородкой, только слышу сдавленный голос Ивана:

— Володя, продолжай и заканчивай, я не смогу.

Я выглядываю из-за перегородки и вижу, как Иван Стариков, профессор, хирург с мировым именем, бросив инструменты, пошатываясь и всё же в темпе выходит из хирургической, бросив пациента на столе.

Фактически он бросил пациента умирать на поле боя.

Нет, есть ассистент, который всегда может подменить хирурга, есть я, который сможет проассистировать, хотя полостная операция требует постоянного внимания анестезиолога.

А Володя Ливанов...

Есть на свете люди, созданные для критических ситуаций. В обычной обстановке заставь его яичницу изжарить — он сожжет, договоришься с ним у драмтеатра встретиться — он к оперному придет и будет ждать тебя час, как дурак. И так далее. А вот в экстренной ситуации, когда, ну, не жизнь или смерть, а всё же что-то серьёзное решается, он всегда собран и безукоризненно точен. Это — Володя Ливанов.

Легко с Володей. Он ещё насвистывает про себя что-то весёленькое. Там и проблем-то никаких не было, прокол в капсуле сделал,

гной отсосал, профилактику антибиотиками провёл, зашил, и через час мы стояли у открытого окна в коридоре и курили. Через пять дней пациент пошел на поправку. Сестричку (забыл, как её звали) я тогда послал искать этого идиота, Ивана.

Я много знаю случаев, по которым можно нашу работу сравнивать с войной. Сам я однажды заснул на операции от переутомления — трое суток без сна, столько работы было. Меня тогда посадили на скамеечку, а через пятнадцать минут я уже снова работал. А с год назад у нас в клинике у профессора случился инфаркт во время операции — упал он, а через три дня умер.

Но бросить разрезанного пациента на операционном столе...

А Иван Стариков... Оказывается, он стоял на Откосе, напротив больницы, облокотившись на чугунную ограду, и плакал. Курил и плакал. Идти к себе в кабинет он отказывался. А я с ним больше никогда не здоровался, да и он старался избегать встреч со мной, хотя никаких подлянок с его стороны не было. В то время, помнится, ни я, ни кто другой, кто про тот случай знали, не могли объяснить — что произошло с Иваном. С ума он не сошел, и с нервами у него всё в порядке! Затмение какое-то было, может.

Историю эту мы тогда старались замять, и про неё, кроме нас четверых и главврача, никто вроде поначалу и не узнал, точнее, не болтали о ней. Но потом всё равно всё разрезвонили — такое не спрячешь в нашем медицинском мире.

Так вот как тут? Я имею в виду — про человеческий фактор мы говорили и про персональную ответственность. А знаешь, сколько хирургов в обмороки падают и от страха нести ответственность и от переутомления во время операций? Кошмар! Просто не хотелось громких фраз, что, мол, как на войне.

Олег замолчал.

Тихие закаты бывают в августе, только шука в озере изредка хвостом.

Вечерний аллея

рассказ

— ...Ну что, девка, получилось что-нибудь у тебя?

Это тётка Олеся, хозяйка, у которой Анята комнату сняла два дня назад. Тут, в Ялте, на автовокзале все хозяйки, сдающие комнату, либо хохлушки откровенные, либо татарки. Тётка Олеся — хохлушка: говорит — хгакает, сама дородная такая, косынка на голове завязана узелком сзади на пиратский манер, на одну ногу припадает, но это уже старческое, а так — ей под шестьдесят где-нибудь. Грудь у неё — какой там шестой — десятый, наверное, размер. Если бы тётка Олеся не по рекомендации на вокзале её встречала, Анята ни за что не подошла бы к такой страшной.

Интересно: ей вот, Аняте, уже далеко за тридцать, а её всё ещё девкой кличут. И двадцать лет назад, когда по баням с пацанами своими деревенскими таскалась-щупалась, и сейчас — всё девка. А когда же она женщиной-то нормальной станет?

Как вчерашний день помнит она Лёху-тракториста из Карповки, соседней деревни, и то, как они поздним холодным осенним вечером в баню чью-то — не поймёшь чью! — забрели, выключатель разыскали на стенке, а лампочки не было в патроне. Зато свечку на притолоке нашли, засветили. И стакан нашли. У Лёхи бутылка портвейна была. Выпили. Вот та холодная, почти обледенелая лавка в низкой парилке очень хорошо запомнилась Аняте и помнится до сих пор. Лёха недолго елозил, а потом разлил остаток из бутылки, выпил и закурил.

— Будешь ещё? — спросила тогда озябшая Анята.

— Не-а, — ответил Лёха. — Может, завтра. Приходи завтра в клуб, посмотрим.

А назавтра Лёха с танцев подхватил Зинку под ручку и пошёл к той домой. Зинка — баба свободная и уже незамужняя — муж её с войны очередной, которые наши постоянно где-то воюют, не вернулся. На выходе, ещё сморщив нос, как бы извиняясь, промямлил Лёха, обращаясь к Анюте:

— Что-то в бане холодно было. Может, летом попробуем?

Но лета в деревне Анюта не стала дожидаться — перебралась в город. Тогда показалось ей, что бога за бороду ухватила, когда устроилась работать на обувную фабрику, а потом почти сразу и в коменданты театрального общежития перепрыгнула, и тут же — заместителем администратора в драматический театр.

Виданное ли дело: без образования да в двадцать-то лет с небольшим хвостиком и администратором уже стала в академическом театре! И тут уже не внешние данные и постельные упражнения повлияли, а Анюта действительно в двадцать лет хороша была: роста не мелкого и фигурка точеная, всегда улыбается, зубки блестят некрупные, но ровные, глазищи огромные, а для широкого лица в самый раз, и носик чуть-чуть курносый. А главное, что-то открытое для всех в Анюте всегда было. С другой стороны, работать надо уметь, и это перевесит все внешние данные и тем более внешние связи. А Анюта работать и умела, и любила.

Конечно, спонсоры у Анюты бывали — и спонсоры солидные: не на один вечер, а на годы. Только проблем от таких надежных и ответственных спонсоров бывает куда больше и куда злее: зачастую и замуж не выйдешь, и детей не родишь. А хочется!

И замуж хочется, и детей хочется, и проблем семейных Анюта не боится — насмотрелась она всех этих семейных проблем в театре: и измены, и скандалы, и аферы, и разводы, а потом новые сходы. «Разврат и конкубинат — вот что такое театр», — говаривала театральная вахтёрша Лида, что на служебном входе то носки вязала, то папиросы курила. Видывала Анюта и нищих артистов в протертых до дыр штанах, у которых не то что на бутылку — на буханку хлеба денег не бывало, видывала и народных — в бриллиантах и соболях.

По правде сказать, среди артисток, даже народных, не так уж и много тех, что в бриллиантах и в соболях, а вот среди зрителей... Зайдёт в кабинет такая, что бриллиантами обвешана, а на премьеру по контрамарке закатилась — на мужика своего не смотрит, словно на рундуке сидит или по облаку плывёт и не боится, что упадёт. И не боится, что мужик её налево уйдёт, а от таких-то вот и уходят. Да и Анюта сама сколько раз уводила: а они в смокингах да в бабочках, да тоже с бриллиантовыми заколками и запонками золотыми старорежимными. Они их специально, чтобы породу свою показать, навешивают.

Так ведь это они только попервоначалу такие гордые да неприступные. А видела Анюта их и в примерках, и в раздевалках, и в ресторанах, и в гостиницах, и в сисёку пьяных, и чуть навеселе, и в меру растрепанных, и вообще неглиже, да ещё в таких позах, что и не упоминать лучше, и такой мат-перемат над ними облаками стоял, что хоть уши затыкай. Приходилось Анюте принимать участие в подобных вечеринках да презентациях — положение обязывало.

Только сама Анюта, когда с ней что-то подобное да припостельное случалось, никакой радости или удовольствия не получала — относилась она к этому как к издержкам своей профессии. Раз надо, значит, надо! Но каждый раз вспоминался ей тот первый её Лёха-тракторист из соседней Карповки и холодная обледенелая лавка в бане. И не понимала Анюта — зачем это надо делать и что за радость от этого у других бывает. И никак не могла увязать Анюта вот эти упражнения с тем, что надо семью заводить, и с тем, что детишек уже хотелось своих. А значит, всё у неё с головой в порядке было.

Побывала Анюта за эти годы и за границей на гастролях: бывала и в Варшаве, и в Милане. Квартирка у Анюты маленькая однокомнатная, но в центре. И друзья, и подруги её любят. А знакомых у администратора театра столько, что и представить трудно: повара и слесаря, академики и олимпийские чемпионы и все-все-все. И всё у Анюты хорошо.

А только подошла Анюта как-то раз к зеркалу трёхметровому, большому, что в вестибюле театра стоит, рассмотрела себя — красивая! И интересно стало Анюте: а детишки её такие же красивые будут? И тревожно вдруг Анюте стало: а по-

чему же у неё ни разу за солидно прожитую, а в этом плане вполне даже полноценную жизнь, ни разу задержек-то не было. А тридцать пять вот-вот стукнет. И любопытно вдруг Анюте стало: уж не больна ли она?

Слава богу, врач хорошая знакомая, которой Анюта готова была и верить, и доверять, оказалась, если и не под руками, то почти...

Если раньше, а точнее в течение пятнадцати лет, Анюта при разговорах о семье и возможном замужестве отнекивалась и отшучивалась — мол, мне ещё рано и я ещё успею, то теперь...

Знакомая врач-гинеколог Соня Кашей не стала пугать Анюту, а просто объяснила ей, что детская матка лечится, и всё образуется, и детишки у Анюты будут

— Анечка, надо стараться, и почаще, — сказала знакомая врач-гинеколог Соня.

— В каком смысле? — спросила Анюта.

— В том смысле, что как часто у тебя бывает контакт?

— Не знаю. Редко, раз в месяц, а то так и не каждый месяц.

— Надо этот процесс сделать регулярным, следить за этим, и всё получится. Ну а мы медикаментозными средствами будем только помогать. Но запомни: лотерейные билеты надо покупать, если хочешь выиграть.

— В смысле?

— В том смысле, что не выиграешь, если не купишь лотерейный билет. Поняла?

— А-а, в этом смысле? Поняла.

— И ещё: надо отдыхать. Гастрольные поездки — это не отдых. Научись бездельничать. Это не просто, если не привыкла с детства, но научиться можно. Езжай тупо в Сочи, сними номер в пансионате и ходи на пляж и на танцы. Попробуй.

Знакомства и связи (я имею в виду полезные связи) помогли Анюте и тут: не Сочи, а Ялта, и не пансионат, а частная квартирка тётки Олеси. В первый же день в маникюре, в педикюре, накрашенная, в зелёных очках, в широкополой черной шляпе пришла она на городской пляж.

Зашла по колено в воду и стояла как дура! Потом села под навес на лежак и сидела ещё два часа почти, как дура. Вокруг молодёжь суетится и веселится — хотя учиться студентам вроде бы пора, сентябрь уже. Дети, как бешеные,

носятся, орут, песок от них во все стороны летит, а они тоже непонятно почему не в школе. Старики в преферанс играют. И никто не обратил ни капельки внимания, ни на секундочку на Анюту за три часа — даже полглаза не бросили. А она-то размечталась.

Вечером пришла тетка Олеся чаю попить с новой квартиранткой да порасспросить, как там, на большой Руси, живут да что теперь с Крымом будет — дело уже после присоединения было. Анюта сидела грустная.

— Ну что, девка, получилось что-нибудь у тебя?

— А что у меня должно получиться?

— Как что? А то и должно. Ты что придураешь? Я ведь сто годов уже на свете-то живу, всё насквозь вижу.

— Ну и что же ты видишь? — перешла Анюта тоже на деревенский говорок.

— Да то вижу, что ты сюда по нашему, по женскому делу приехала. Так ведь? — внимательно старуха посмотрела на Анюту.

— Вроде как и так. А что, нельзя?

— А у тебя муж-то есть?

— Не-а.

— А была замужем-то?

— Не-а.

— А детишки?

— Не-а.

— Так тебе детишек надо?

— Ну что ты как глупая? Старая, а глупая. Всё мне надо: и замуж, и детишек, и ещё чего-нибудь. Всего мне надо. А врачи говорят...

— Что тебе врачи говорят?

— Что у меня какая-то детская матка, что ли!

— Анюта чуть ли не кричала.

— Ну что ты, что ты, девка? Разошлась! Была детская — станет взрослая. Я тебя научу. И всё у тебя получится.

— Чему ты научишь?

— А тому! Ты на пляж пойдёшь с утра — губы-то не крась, а в море залазь. Да в море-то сиди — море лечит. А вечером пойдёшь в парк — только не на танцплощадку, а пойдёшь, прогуливаясь по аллее, что от танцплощадки в гору идет. Она широкая такая и вроде как тёмная. Там вдоль всей этой тёмной аллеи скамеечки в карманах за кустами стоят и по вечерам фонари вполсвета светят. К тебе подойдут — ты не пугайся. — Старуха помолчала. — Дети-

шек хочешь? — получится. Только очень хотеть надо. — А после тех слов и ушла.

На другой день у Анюты всё получилось, как говорила старуха, тётка Олеся. В море она познакомилась с парой супружеской, у которых уже не первый день тянулся медовый месяц, и они бурно отмечали его; с ними и обедать в ресторан пошла. Ресторан был в гостинице, в которой молодые остановились, так они посреди обеда, пошептавшись, хихикая, в номер побежали, а через двадцать минут вернулись. У них, молодых, только одно это занятие и было на уме. Сидя за столом со своими новыми знакомыми женатиками и слушая их пустое щебетание, Анюта догадалась, что и в море, когда она с ними познакомилась, они тоже этим делом занимались.

Готовясь к вечерней прогулке по темной аллее в местном парке, Анюта всё же губки-то свои накрасила и шляпку модную на головку свою акkuratенькую пристроила.

Тётка Олеся как в зеркало смотрела: и кавалер галантный к Анюте подошел в конце той аллеи, и познакомился как-то очень удачно: так что Анюта и не заметила, что он уже её под ручку взял, а она уже хихикает над его шуточками. И на скамеечке сидели, и цветы были, и на открытой веранде над морем ароматное красное вино пили — всё было. И всё прекрасно было — просто улётно!

— ...Ну что, девка, получилось у тебя что-нибудь? — это тётка Олеся, она пришла если и не с утра, то к обеду как раз.

— Получилось, тётка Олеся, получилось, — чуть смущаясь и не глядя на старуху, отвечала Анюта. И смущалась она не от того, что случилось, а оттого, что старуха всё угадала, будто знала, а от того и стыдно бывает, что кому-то все твои секреты уже загодя известны.

— А что получилось-то? Рассказывай!

— Чего рассказывать? Не маленькая ты и не глупая! Улетела я! Впервые в жизни улетела. А раньше не понимала того и смеялась над другими бабами.

— Так это ж здорово! Значит, и ты бабой стала, а значит, скоро родишь!

Трансформатор

рассказ

В каждом трудовом коллективе, в каждом солидном учреждении должны быть традиции, и это надо приветствовать и поощрять. А если организация молодая, то надо какие-то определенные акции укоренять, чтобы из них выростали традиции. К чему я это...

Работал я давно уже в одном НИИ, в котором традиции были вполне устоявшиеся, стабильные, хорошо продуманные и в реорганизации не нуждающиеся. Да оно и понятно — большинство сотрудников с высшим образованием и развитой фантазией, ещё и с учеными степенями многие: и кандидаты, и доктора тут были. Куда ни ткни! Так что...

К числу устоявшихся традиций, которые я молча и только про себя одобрил, относилось внутреннее правило, негласно признанное руководством, позволявшее четыре раза в год отмечать праздники на рабочем месте, то есть распивать разведенный государственный спирт, предназначенный для промывки лабораторной оптики и хранящийся в рабочих сейфах руководителей отделов и лабораторий нашего НИИ. То есть таким образом мы праздновали Новый год, Первое мая, Седьмое ноября и день рождения нашего замзавотделом Сергея Грачука.

Как день рождения нашего замзавотделом сопрягался с государственными праздниками — не знаю! Во всех остальных отделах и лабораториях отмечались дни рождения шефа, начальника отдела. А наш начальник, профессор, был человеком очень хорошим и порядочным, но... членом КПСС. И очень боялся он подмо-

чить свою репутацию этими выпивками на рабочем месте. Потому и свой день рождения он не отмечал. На рыбалке, в лесу, в гостях он запросто мог и выпить, и песню спеть, а на работе — ни-ни! И приходилось нашему Грачуку замещать его и в этом плане. Так день рождения Сергея Грачука стал в один рад с государственными праздниками, притом скорее всего по просьбе трудящихся нашего отдела.

Все остальные дни рождения, именины, свадьбы, крестины и престольные праздники отмечались в соседнем кафе и после работы. Кроме того, существовало ещё достаточное количество мероприятий, проводившихся вне служебных стен и позволявших членам коллектива плотнее сплотиться: субботники, поездки на овощные базы или уборку картошки, праздничные демонстрации, а также коллективные вылазки за грибами и на рыбалку, устраиваемые профкомом.

Грачук был доктором физ.-мат. наук, а Волгин, его лучший друг со студенческой скамьи и соавтор большинства его статей, — пока что только кандидатом и почему-то всего лишь младшим научным сотрудником. Хотя в научном мире, мировом научном мире, были хорошо известны они оба и достаточно высоко котировались и часто приглашались на международные конференции.

Волгин не очень печалился по поводу своего звания МНС, да и времени на защиту докторской диссертации ему было просто жалко. Волгин считал, что докторская и так ему свалится, когда придёт время. А пока он мог сколько угодно собачиться и даже на научных семинарах позволял себе обзывать своего однокашника и начальника идиотом. Я слышал.

Но и Грачук мог себе позволить пошутить над другом. О чем я ниже и расскажу.

Хотя ещё пару слов о моих друзьях. Обоим им стукнуло по сорок. Грачук был крепким, сбитым, с ранними залысинами, с намечающимся круглым брюшком, внешне — этаким борец-вольник лёгкого веса, десять лет не ходивший на ковёр. А Волгин такой же небольшой, как Грачук, но худенький, кудрявый, с бородкой редкой и козлиной, нерасчесанной и с постоянно треснутыми очками.

К ведущим ученым всего мира, как и к ведущим ученым нашего НИИ, мудрые и гениаль-

ные мысли приходят, точнее — могут прийти, когда им вздумается (мыслям!), а потому привязывать ученых к рабочим столам в лабораториях и кабинетах не имеет смысла. И таким корифеям, как Грачук и Волгин, которыми гордилось наше научное руководство, ставились в пропусках разные хитрые штампики в виде птичек, позволявшие приходить на работу на наш режимный объект в любое время, когда им вздумается, работать в институте в ночное время, а также ходить в институт с портфелем. Вот на портфеле я и останавлиюсь.

У Волгина портфель был фантастического объема. С виду обычный вроде портфель, серенький такой, с одной застёжкой сбоку, но влезали в его портфель шесть бутылок шампанского — половина ящика! Тот предпраздничный, предновогодний рабочий день, о котором я хочу рассказать, пришелся на тридцатое число, тридцать первое декабря была суббота. Потому домой никто из задержавшихся особо не торопился. Надо сказать, что коллектив нашего отдела, двадцать человек, делился примерно поровну на тех, кто признавал традиции и поддерживал их, и на тех, кто не мог их поддержать, причем не по идейным соображениям, а в силу семейных обстоятельств или состояния личного здоровья.

Предпраздничные дни были короткими, и руководство к тому же давало команду вахтёрам пропускать трудящихся домой сразу после обеда. Потому и в нашем отделе сразу после обеда в комнате у механиков часть коллектива, чтущая традиции, уселась играть в домино в ожидании, когда трезвая и болезненная его часть отправится домой. Играли механик Славка Сысоев, два инженера и машинистка Соня Камская, тоже приписанная к нашему отделу. Играли азартно, громко стуча костяшками, и, когда Соня радостно доложила, ударив по столу последней: «Я кончила!», Славка, страшно выпучив глаза, шепотом ей ответил:

— Ну и дура! Иди собирай на стол, я спирт уже развёл — он за окном.

Людей, не очень хорошо информированных, хочу известить, что правильно разведенный спирт немного нагревается и потому перед употреблением его приходится охлаждать. Чтобы он не нагревался при разведении, надо спирт лить в

воду, но почему-то этим способом в наших НИИ не пользуются; все спирт разбавляют.

Это удивительно, как много и как долго можно говорить о работе во вне рабочее время: и о проблемах руководства, и о проблемах снабжения, и о научных проблемах. Мне пришлось однажды больше часа стоять в очереди за пивом. Передо мной стояли два молодых человека лет по тридцать, и в течение всего этого часа они решали какую-то сложную прикладную математическую задачу с ручками в руках и с блокнотом, в котором они что-то писали и черкали. Я немножко изучал высшую математику в вузе, но то, о чем говорили они — лапласианы и роторы! — было для меня темным лесом. В точности так же, с таким же захватывающим интересом люди на работе могут обсуждать часами вопросы кулинарии, моды, здоровья, политики, спорта и так далее.

Я отвлекся.

Сокращаюсь.

В коридоре напротив комнаты-мастерской Славки Сысоева находился туалет. Рядом с туалетом на полу вечно лежал огромный столетний трансформатор, непонятно откуда и когда появившийся в коридоре. Это был самый настоящий трансформатор из трансформаторного железа с обмотками из медного провода ПЭЛ. Трансформатор был приبلудившимся: ни за нашим отделом он не числился, ни за каким другим — мы это выясняли. Был он очень тяжелый — уборщица Клава пододвигала его ногой к открытой двери, чтобы её придержать, когда мыла полы в туалете.

Я слышал, как Грачук шептал про себя: «Я ему отомщу за идиота! Начальство так не уважать!» Слышал, потому что это он меня попросил помочь ему засунуть тяжеленный трансформатор в портфель Волгину. Мы планировали посмотреть и посмеяться над ним, когда он соберется домой и как будет мучиться, вытряхивая эту тяжеленную штуковину из портфеля.

То ли спирт попался нам в тот раз какой-то особенный и энергоемкий, то ли, кроме спирта, оказались у кого-то из наших сотрудников дополнительные запасы алкоголя, только после того, как всё было выпито, пришлось нам с Грачуком выводить Волгина из здания инсти-

тута под руки, а потом ещё и сажать на трамвай. При этом мы тоже уже были в таком неопределённом состоянии, что забыли про трансформатор, который Волгин тащил с собой в портфеле как ни в чём не бывало.

Волгин позвонил мне вечером первого января с докладом:

— Ты знаешь, сколько весит прибор, который мы с тобой украли из института?

— Нет, не знаю, — ответил я.

— Двенадцать с половиной килограммов. У меня нет весов, но есть старинный безмен, с которым ещё мой дедушка продавал рыбу на базаре. Безмен этот прокалиброван в фунтах, притом в русских фунтах, но и русских фунтов несколько: аптекарский фунт — триста пятьдесят граммов, торговый фунт — четыреста десять, а артиллеристский — так и вообще полкило. Я свои расчеты проводил, исходя из того, что безмен торговый. Так вот я хочу, чтобы ты завтра приехал перед работой ко мне на такси и помог мне отвезти прибор, чтобы вернуть его в первоначальное состояние.

— Старик, — я всегда так обращался к Волгину, — с чего ты взял, что мы с тобой что-то украли?

— Давай не прикидывайся дурачком! — перебил он меня. — Во-первых, я один поднять его не могу, значит, был кто-то второй, во-вторых, он нужен только тебе: ты же у нас собираешь всякие раритеты. И в-третьих, я уже позвонил Грачуку, и он мне во всем признался.

— Понял, каюсь, — сознался я и предложил: — Старик, если ты хочешь, чтобы я продолжил участвовать в вашей с Грачуком гнусной и уголовной операции, пусть он нанимает такси, заезжает перед работой за мной, а я — уж так и быть! — помогу тебе затащить твой трансформатор в машину. Кстати, завтра гуляем! На работу третьего.

Недавно я был у Волгина на восьмидесятилетии и видел тот злополучный трансформатор у него в коридоре лежащим у входной двери. Почему мы его тогда не отвезли в институт — не помню. А Волгин вообще не помнит, откуда он у него в доме. А вот то, что Волгин прожил весёлую и полноценную жизнь, помним хорошо и я, и он.

-1-

Это даже не художественный текст — это то, что современные продвинутые деятели от литературы называют «нон-фикшн», то есть тут почти всё правда. Даже фамилии подлинные. Если какие-то детали, сопутствующие описываемому факту, я и позабыл, то от их присутствия ничего бы не поменялось.

Был у меня в молодости приятель Борис Борисович Кругляк. Человек он был умный, старательный, энергичный, один у него был недостаток: влюблен был в свою фамилию. Каких только ему в школьные и студенческие годы прозвищ не придумывали из-за этой фамилии: и Круглый, и Шарик, и Кубик, а он только всё больше и больше ею гордился. И ещё он считал, что у матери его была тоже красивая фамилия — Шкаденко. Я ему прямо говорил, что памятник людям с такими фамилиями вряд ли поставят: «Ну что, ты подойдёшь к памятнику, а на нём надпись: Кругляк или ещё смешнее — Шкаденко! Для памятника нужна фамилия простая вроде Жуков или Гагарин, или Романов на крайний случай».

Случилось всё это ещё при советской власти: окончил Борис Борисович автомобильный факультет Горьковского политехнического института имени Жданова и получил законное распределение поработать на каком-то оптико-механическом заводе в городе Свердловске, будто в городе Свердловске нет своего политехнического института. А был закон такой: отучился ты бесплатно в вузе, да, может, ещё и стипендию получал, — отработай на том предприятии, где твоя специальность требуется, два года, а после как хочешь, так и живи.

Город Свердловск в советское время почти ничем не отличался от города Горького; они как два родных брата были: закрытые для иностранцев полторамилионники, индустриальные муравейники, работающие на оборонку. Половина населения давала подписку о неразглашении секретного чего-то, и, встречая какого-ни-

будь эстонец или якут, говорившего немножко с акцентом, шарахались зашоренные горожане от него, как от агента ЦРУ. Эта закрытость создавала эффект глубокой провинции, а учитывая, что в молодости, которая прошла у этих городов несколько веков назад, оба они были когда-то центрами средоточия патриархального старообрядческого купечества, потому и архитектура их была схожа: доходные дома с дворцовыми фасадами, особнячки полукаменные купеческие и бараки с сырыми подвалами и выгребными ямами.

Даже школа невянской иконы, расцветшая вокруг дореволюционного Екатеринбурга, была создана выходцами-старообрядцами из нижегородской Балахны.

И вот приехал мой Борис Борисович, а пока что Боря, в назначенный ему город Свердловск, оформился на работу, прописался в общежитии. Очень скоро вырос он у себя на заводе до мастера и стал цениться начальством. Квартиру ему выделили ведомственную однокомнатную, что редко делается для молодых специалистов, да к тому же неженатых. Вместе с тем и личная жизнь у него наладилась, да так наладилась, что не каждому так повезёт: завел он себе девушку, при том не одну, а двух сразу, и пошла у него дружба (любовь в смысле) с обеими с ними. Ну, не вместе он с ними стал жить, как татарин какой, а в гости они к нему стали наведываться попеременно. Девчонки про эту игру Борину всё знали. Да уж больно нежный Боря был человек и обходительный — не хотелось им с Борей отношения обострять.

Так как в советские времена в церковь мало кто ходил, а в церковных вопросах вообще никто ничего не понимал, то Боря всем: и подружкам своим, и знакомым, которые про его двойное увлечение знали, — легко лапшу на уши вешал. Боря был крещен, носил натальный крестик и не скрывал этого факта. Небесным покровителем его был (так повезло!) по крещению как раз мученик князь Борис, первый русский святой. Так как внешностью своей, кудрявостью и сообразительностью Боря чем-то напоминал библейскую нацию, то ему не раз приходилось защищать свое имя, объясняя, что оно самое святое и

самое русское. Приходилось ему не раз объяснять и свое поведение нестандартное: что если, мол, не венчан он ни с кем из девчонок, то и греха в этом никакого нет.

Кроме всего этого, дошло до того, что Боря перезнакомил подружек своих, а звали их Со-ня Синичка и Таня Журавлева. А так как Боря Кругляк очень много внимания придавал своей фамилии, то он и в девчоночьих фамилиях пытался разглядеть какой-то смысл: вроде как синица — в руках, а журавль — в небе. Потом даже в модный ресторан «Старая крепость» как-то раз они все вместе втроем сходили. Он мне уже в зрелом возрасте этот эпизод объяснил — чтобы всё честно было!

Как и многие технари той эпохи, Боря любил на досуге просматривать всяческого рода научно-популярные журналы типа «Знание — сила», «Техника молодёжи», «Вокруг света», «Здоровье» и так далее. Много их выходило в те годы.

И вот в одной статейке научной или полунучной вычитал он, что всё развитие человечества происходит за счёт мутаций особей мужского пола, то есть мужской пол как бы экспериментальный и передает он, мужчина, весь свой жизненный опыт, всю информацию, скапливаемую за всю свою жизнь, женщине, а та эту информацию только трансформирует в своих детей. У Бори братьев не было, и у Бориного папы тоже братьев не было, и у дедушки Бориного братьев не было, а глубже Боря уже и сам не знал, кто был и что делал. И этого уже достаточно!

Получается, что если у Бори не будет сыновей, то жизнь и вся эволюция последних как минимум трёх поколений прекрасной фамилии Кругляк коту под хвост. Боря мне всю эту теорию подробно потом объяснял: и про мутации, и про X и Y хромосомы, и про то, что мальчиков больше рождается, а выживает меньше, и про то, что выкидыши человеческие при неудачной беременности — чаще зародыши мужского пола. Я, в общем, ничего не понял, но это важно для продолжения Бориной истории.

Житейская народная мудрость про то, что хороших мужиков ещё щенками разбирают, Боре была с детства известна, и он сумел без

потерь пройти возраст созревания и глупого возмужания, когда нас, мужиков, как раз и разбирают. И вот уже взрослым и имеющим даже какой-то социальный статус он встал перед проблемой продолжения рода. Тут уже не до любви было.

Собрал он в «Старой крепости» своих подружек Соню и Таню, чтобы не было никаких недоразумений, а наоборот — совместно решить задачу продолжения рода Кругляков. Было Бориным подружкам тогда по двадцать лет, и похожи они были друг на друга удивительно: обе — низкорослые, коренастые, широкоскулые, только волосы у Сони каштановые, а у Тани — светло-русые, почти соломенные, и работала Соня в аптеке, а Таня — в парикмахерской, и жили они обе в общежитиях, но в разных.

И Соне, и Тане было к тому времени уже известно о существовании соперницы, и им было даже любопытно познакомиться друг с другом — тоже те ещё экземплярики были. Так, чокаясь шампанским и закусывая черной икрой, Боря объявил подружкам, что женится только на одной из них, а вот на которой — зависит от них. Кто первая родит ему наследника, сына Борю, та и может рассчитывать.

-2-

Тут перестройка грянула, кооперативы расцвели пышным цветом, раскрылись глазоньки у населения с предпринимательской жилкой. Миллионеры настоящие появились — партийные взносы-то (кто партийные билеты не выбросил, может похвастать!) тысячами да десятками тысяч начали платить. Легендарный прогремевший на всех телеканалах советский миллионер Артем Тарасов не единственный, кто девяносто тысяч за месяц взносов родной партии заплатил.

Боря Кругляк в партии не состоял, но кооператив, который они с заместителем председателя облисполкома и с командиром одной из воинских частей замутили, процветал. Начали с лесопилок, с леспромхозов обычных, а там нелегкая понесла.

Но, видимо, остался Боря чужаком в

Свердловске — вынужден он был оттуда бежать в свой родной город Горький. Я не понимал, что тогда произошло неприятного в коллективе учредителей первого Бороного кооператива, только сбежал он вместе с пакетом заказов и договоров очень солидным, оставив компаньонов без перспектив. «Всё своё ношу с собой», — любил поговаривать Боря в те годы. Лесов-то в родной Горьковской области, да и в соседней Кировской, — не вырубишь и за две жизни. Боря быстро нашел компаньонов нужных на своей родине: бывшего председателя областной сельхозтехники и директора солидного лесного хозяйства, и очень скоро новый кооператив уверенно поднялся на ноги и зашагал.

А тут и Таня прислала телеграмму, что родила она маленького Борю и что большой Боря может приехать и посмотреть на своего наследника. К слову сказать, Соня тоже родила через месяц после Тани, но девочку, и назвала дочку Машей, а потому телеграмму посылать не стала. Борис, приехав в Свердловск, чтобы забрать с собой будущую жену с сыном на новое постоянное место жительства, даже не вспомнил о своей второй подружке. Только спустя уже какое-то время Таня, которая всё знала про соперницу, рассказала ему о Соне и неожиданной его дочке Маше, которую Боря так и не увидел в тот поспешный свой заезд.

Свадьбу сыграли уже в Горьком — скромную, но в ресторане, с белым платьем, фатой и шампанским. Квартиру сняли трехкомнатную, няньку наняли. Боря ездил к тому времени уже на собственной черной «Волге» ноль второй с водителем. Деньги лежали в спальном комнате под кроватью, упакованные в полиэтиленовые банковские большие брикеты, перевязанные шпагатом, — девать их было некуда... пока. Но приватизация пришла.

Боря Кругляк нанял целую команду ребят, которые работали на вокзалах и рынках, скупая ваучеры у простаков и алкоголиков за какие-то гроши, а иной раз и за бутылку водки...

Скучно всё это вспоминать: перестройка, кооперативы, ваучеры, приватизация, бандиты, миллиардеры, загородные коттеджи, больше похожие на замки, готовые к осаде...

Быстро это как-то проскочило мимо Бори

или вместе с Борей, и вспоминается сегодня как странный сон, причем даже не верится, что это был не сон. Особенно для Бориса! Для Бориса весь этот сон, вся эта суета, вся эта кутерьма завершилась как ударом головой об стену: оказалось, Боря-младший болен, болен неизлечимо — аутизм. Проявилось это у мальчика в шесть лет, а к десяти годам стало ясно, что все предпринятые виды лечения бессмысленны — настолько был очевиден прогресс болезни. Да, это не смертельно, но для Бориса Борисовича и его Тани это казалось в тот момент полной катастрофой всей жизни.

Борис Борисович был вынужден принять жесткое решение и продал весь свой бизнес, чтобы иметь возможность заняться сыном и семьей в целом, так как Таня его стала потихоньку, без скандалов, но изрядно выпивать. Он же стал классическим рантье, разместив свои капиталы в инвестиционных фондах Швейцарии и Австрии, и даже как «рантье» стал записывать свою специальность и место работы в анкетах, когда это требовалось. Борино неотлучное присутствие в своем большом двухэтажном особняке, где постоянно были ещё и супруга, и прислуга, и медсестра, ничуть не улучшало здоровья мальчика, а лишь повышало градус напряженности.

В конце концов, Таня, как последнюю надежду, высказала Борису свою мысль о возможности поездки в Китай, на остров Хайнань, в специальную клинику, о которой она читала какие-то просто фантастические отзывы в интернете. Боря не возражал — он готов был пойти на самые сумасшедшие авантюры, только бы не сидеть без дела, только бы вылечить сына. Таня улетела с мальчиком и с медсестрой в качестве помощницы и компаньонки в далёкую непонятную клинику с нетрадиционной китайской медициной.

Сначала шло всё, как хотелось: и перезванивались каждый день, и надежда в голосе Тани звучала, и надежду эту в Таню поселили не местные врачи, а пациенты клиники, с которыми она там познакомилась. Потом в разговорах появились интонации, в которые Борис Борисович верить не хотел, но компаньонка Тани всё худшее подтвердила — Таня выпива-

ет. Но Кругляк ничего сделать не успел — трагедия случилась.

Не хочу пересказывать то, чему не был сам свидетелем, — Таня утонула, утонула вместе с сыном Борей в бассейне спа-отеля при этой мудрёной китайской больнице.

Так закончилась семейная жизнь Бориса Борисовича Кругляка. Стал он в сорок с небольшим похож на настоящего старика пенсионера: седой, с животиком, в очках, бороду неряшливую козлиную отпустил, волосы космами нечесанные во все стороны торчат, брови пучками, мало того — волосы и из ноздрей и из ушей стали расти. Осталась у него, правда, пара интересов в жизни: стал он коллекционировать портсигары и табакерки всех времён и народов и постоянно ремонтировал и реконструировал свой двухэтажный дом на берегу Волги. Для этих всех ремонтов был у него «кухонный мужик», как он сам его называл, — старый его товарищ, с которым он ещё в институте учился, тот и мастеров нанимал, и следил за качеством работ, и садовничал, и шофёром личным у Бориса Борисовича был. Была ещё в доме тетка, приходящая из ближайшей Печерской слободы для всяких женских дел: прибраться, полы помыть, пыль вытереть, обед, ужин сготовить, рубашку постирать, погладить, да мало ли что ещё!

Дом Бориса Борисовича был хорош тем, что стоял он в полугоре между городским Гребным каналом и крепостной стеной Печерского монастыря, в который повадился теперь ходить Борис Борисович и на службы, и на исповедь. Ещё завел Борис Борисович себе собачонку серенькую, маленькую, глупую и лохматую странной породы какой-то, вроде цвергшнауцер, с отвратительным характером, но впечатляющей родословной. Звали собачку по документам сложно как-то, вроде как Графиня де Луи де Сен-Фаль, а то так и ещё серьезнее, но Боря звал её просто Баськой. И, как это часто бывает, собачка со временем стала походить на своего хозяина, так что издали было видно: данная конкретная псина имеет своего конкретного хозяина в лице Бориса Борисовича.

-3-

Перестал ездить Борис Борисович за границу, в Швейцарию и Австрию, где у него всё еще были какие-то финансовые дела, — все решения принимал, сидя на диване в своем бревенчатом домике-избушке, стоящем на берегу Волги посреди яблонь и вишен. И в Москву, и в Питер перестал ездить в антикварные магазины да на аукционы, где раньше покупал себе всякие курительные безделушки, — через интернет начал заказывать. Зато повадился он ходить в монастырь к игумену монастырскому, с которым часами мог пить чай и разговоры вести безобидные и умные. Иногда и рюмку водки позволяли они себе, когда не было уставом запрещено.

Игумен монастыря был личностью значительной, габаритной и многообразно грамотной. Много чего интересного Борису Борисовичу он рассказывал про свой монастырь: про летописца Лаврентия, который здесь первую русскую летопись писал, и про подземный каземат, в котором якобы царь Иван шестой сидел до того, как его в Шлиссельбург перевели, и про детей Карамзина, которые здесь, на монастырском погосте, нашли свой последний приют, и о том, как братия в раскол уходила за Волгу из этого монастыря, унося с собой и книги древние, и иконы. Но всё же это не часто случалось — такие чаепития с беседами — только по приглашению.

Ежедневным же его маршрутом для прогулок с Баськой стала тропинка вдоль стен монастыря. Выйдет дорожкой заасфальтированной Борис Борисович Кругляк на площадку для туристических автобусов, посидит на скамеечке, полюбуется на просторы волжские — собачка его рядом под скамейкой подремлет, и назад — по тропочке между кустами сирени и бузины вниз к своей двухэтажной избушке-теремку.

Однажды на этой смотровой площадке для туристов и случилось у Кругляка замечательное знакомство, перевернувшее его устоявшуюся уже стариковскую, как ему казалось, жизнь. Совершенно неожиданным образом подошла к нему интересная и довольно молодая дама из числа приехавших на туристичес-

ком автобусе и с извинениями за нетактичность обратилась к Борису Борисовичу:

— Прошу меня простить, если я вас беспокою, но не расскажете ли вы мне что-нибудь интересное про породу вашей собаки? Это ведь цвергшнауцер?

— Да, это цвергшнауцер, — ответил чуть-чуть удивленный Кругляк.

— А расскажите мне, пожалуйста, об этой породе. Моя близкая подруга собирается себе такого же завести. У меня-то у самой ротвейлер. Подруга мне показала фотографии родителей щенка, которого она решила взять, и те, родители его, прямо как копии с вашего песика. Вот обучается она, эта порода, легко? И как кормили вы её в детстве? И как она с детьми себя ведёт? Меня зовут Катя, а вас?

— А меня — Борис, — ответил Боря. — Как с детьми она себя ведет — не знаю, потому что детей у меня нет. Обучается она, как и любая собака, трудно, но я сам с ней работал, и поэтому все, чего мне хотелось, у меня получилось. А вот кормить — здесь есть одна сложность, но на пальцах я не смогу объяснить. Я покупал колхозное молоко, заквашивал его хлористым кальцием и делал из него творог. В общем, если интересно, я могу вам все рецепты по электронной почте сбросить, а на словах — бессмысленно, все забудется.

— А дайте мне вашу электронную почту, я её своей подруге передам, и она с вами свяжется.

— Да, запишите. А как вашу подругу-то зовут?

— Маша. Мария Борисовна Синичка.

— Как-как, говорите, ей фамилия?

— Синичка! Красивая фамилия?

— Красивая. А где она живет?

— В Екатеринбурге.

— А сколько ей лет? — Бориса Борисовича как током ударило.

— Ей уже двадцать. Вот уже месяц она думает: не знает — то ли ей замуж выйти, то ли собаку завести, — что-то говорила Катя, эта новая знакомая Бориса, присев рядом с ним на скамеечку и совершенно не интересуясь тем, что рассказывает экскурсовод их группе.

Но Борис также не слушал того, о чем говорит ему Катя, он как бы занырнул в какой-то туман, его голова быстро заполнилась гулом

воспоминаний и расчетом вероятности, что это его...

Приехал Кругляк в Екатеринбург выбритым, постриженным, отутюженным, подтянутым, в белоснежной рубашке, в итальянском костюме, во французском галстуке и так далее. Борис Борисович не узнал Екатеринбург, в котором жил и работал двадцать лет назад — даже больше, чем двадцать. Нет, конечно, не вылизанным город ему показался теперь, но каким-то ухоженным и приспособленным для того, чтобы жить и работать в нем.

Сравнивать его с родным Нижним Новгородом было невозможно: в родном городе годами перед глазами убитые дороги с раскученными тротуарами, вечная грязь незавершенонок в центре и расстраивающие все надежды жестяные синие строительные заборы.

Хотя объяснение такому очевидному явлению Борис нашел моментально: в течение десяти лет их земляк Ельцин был главой государства, и у руководства этого города не было проблем выбить любые деньги из московских министерств для приведения родового гнезда президента в божеский вид. У нижегородцев свой глава государства когда-то тоже был, Свердлов, но недолго; были главы правительств, но тоже недолго: Булганин — два года, Силаев — год, а Кириенко и вообще несколько

месяцев. Понятно, что за такие сроки приличных денег на благоустройство родного города выделить не успевали.

Ну, в общем-то, вот и весь рассказ: разыскал Борис Борисович Кругляк вторую подругу своей бесшабашной юности, в смысле — Соню, познакомился со своей дочкой Машей, и привез он их в свой город Нижний Новгород. С Соней они расписались и повенчались, Машу выдали замуж, и родила она двух мальчиков — Бориса и Глеба. Они пока ещё маленькие, но уже видно, что «кругляки».

□

Олег Алексеевич РЯБОВ

родился в 1948 г. в Горьком.

Окончил политехнический институт по специальности «радиоинженер».

Впервые стихи были опубликованы в газете «Ухта» Коми АССР в 1968 году.

Первая книга, повесть о войне, «Письма отца» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году.

С тех пор издано одиннадцать книг стихов и прозы.

Печатался в журналах «Нева», «Север», «Всерусский собор», «Молодая гвардия», «Сельская молодёжь», «Кириллица».

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» в г. Вологде.

С 2002 года член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

